

Верхотуров Анатолий Викторович

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ
В СЕМАНТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ КОГНИТИВИЗМА И
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

09.00.01 – онтология и теория познания

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета

Научный руководитель – доктор философских наук, доцент

Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты – доктор философских наук, доцент
Сычева Светлана Георгиевна

кандидат философских наук,
доцент
Ладов Всеволод Адольфович

Ведущая организация – Томский государственный архитектурно-строительный университет

Защита состоится «25» апреля 2006 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при Томском государственном университете по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36, ТГУ, учебный корпус №4, аудитория 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан «25» марта 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д 212.267.01 _____ О.Г. Мазаева

эпистемологические основания когнитивной науки // Летняя философская школа «Голубое озеро - 2005». Наука и философия в Сибири: традиции, новации, перспективы: материалы/Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. – С. 84-88.

3. Верхотуров А.В. Анализ значения термина *когниция* как база для определения эпистемологических и онтологических основ когнитивной науки // III Международная научно-практическая конференция «Прикладная филология и инженерное образование». - Томск, 2005: Изд-во ТПУ, 2006. - С. 215-216.

4. Верхотуров А.В. Проблема определения объекта знания: логический анализ языка vs. когнитивная наука // Труды всероссийского философского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина (Сессия 2): Труды Томского государственного университета. - Т. 268. - Сер. философская. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. - С. 26-33.

бесконечную совокупность точек (имен), игнорируя несводимую к любым своим проявлениям *процессуальность* модели.

Именование кажется какой-то *необычной* связью слова с объектом. И такая «странная связь» действительно возникает, например, когда философ пытается выявить особое отношение между именем и именуемым, «устремляя взор на некий предмет перед собой, и без конца повторяя его имя или слово «этот»». Как считает Витгенштейн, философские проблемы возникают, когда язык *пребывает в праздности*, когда на самом деле можно вообразить, будто именование представляет собой какой-то удивительный душевный акт, как бы «крещение объекта».

Тем не менее, было бы упрощением считать, что «языковая игра» для Витгенштейна – это еще один рациональный способ объяснения возможности *интерсубъективной коммуникации* в *пострационалистический период философии*, наподобие «принципа милосердия» Дэвидсона. Можно сказать, что понятие игры (вспомним, сколько места отводит Витгенштейн анализу этого понятия, показывая на этом примере сводить теорию категорий как «фамильного сходства») становится выражением его общего мистического настроения, только усиливающегося от «Трактата» до «Исследований».

В **Заключении** подводится итог проведенному исследованию. Рассмотрена проблема теории значения в современной когнитивистике и философии сознания. Делается вывод, что изучение проблем семантики и теории значения не может ограничиваться узкоспециальными лингвистическими, логическими и логико-философскими исследованиями. Это, в первую очередь, определено самим объектом исследования – **сознанием** человека. Концепция Витгенштейна подводит некий итог развитию традиции европейской философской семантики. Вместе с тем, нельзя считать тематику ТЗ закрытой, наоборот, перед исследователями открываются перспективы создания единой и непротиворечивой ТЗ.

Можно предположить, что эта задача станет важнейшей в философских, семантических и лингвистических исследованиях XXI века, и важность проблемы подвигнет ученых преодолеть, наконец, некую междисциплинарную отчужденность, поскольку феномен человеческого сознания может быть описан только с привлечением методов различных гуманитарных и точных наук.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Подлесный И.А., Верхотуров А.В. Латинизмы в европейских языках: гнездовой словарь // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сборник научных трудов, посвященный 10-летию кафедры русского языка и литературы ИЯК ТПУ. Томск, 2004. – С. 381-384.

2. Верхотуров А.В. Критика картезианской концепции познания и

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено исследованию проблемы теории значения (ТЗ), одной из самых разрабатываемых проблем многих философских и околофилософских традиций, претендующих на раскрытие сущности человеческого познания. Данная направленность исследования определяет его **актуальность** в парадигме современного философского знания.

С одной стороны, это является стимулом для развития, с другой же, таит опасность «распыления», увлечения узкоспециальными, подчас, техническими проблемами логики и языкознания в ущерб выходу на некие концептуальные обобщения, которые, как нам кажется, должны являться основной целью подобных исследований.

Одной из самых актуальных проблем современной ТЗ является проблема критериев истинности, принимаемых в тех или иных семантических теориях. Именно этот вопрос, как нам кажется, является ключом к более или менее четкому разграничению современных концепций ТЗ и, вместе с тем, дает выход на фундаментальные обобщения о процессах человеческого познания.

В работе эта проблема рассматривается на примере двух, наиболее разработанных семантических концепций – когнитивной науки (КН) и аналитической философии. Обе эти традиции являются своего рода «продуктом» античной эпистемологии, характеризующейся безусловной телеологичностью, и концепцией трансцендентной предзаданности истинного знания, восходящей к идеям элейцев, Платона и Аристотеля. Новоевропейская логико-философская традиция, в первую очередь, стараниями Декарта надолго закрепила за языком функции технического посредника при передаче трансцендентных, и потому, универсальных «атомов» - значений.

Вышеописанная концепция, по сути, вынесла проблемы истинности за рамки семантики и ТЗ, ограничив их рассмотрение границами эпистемологии. С нашей точки зрения, это является основным препятствием для развития семантических концепций, безоговорочно принявших идею Универсальной Истины и Универсального Значения. В качестве примера малопродуктивности такого подхода в работе рассматривается когнитивизм, в первую очередь, те концепции когнитивной лингвистики, которые попытались возродить картезианскую концепцию «семантических примитивов» как предельных структур познания.

В этой связи, как нам кажется, чрезвычайно важной и актуальной является проблема определения терминологического аппарата КН, рассматриваемая нами в первой главе. К примеру, не представляется убедительным использование термина «концепт», наиболее «популярного»

в современной когнитивной лингвистике (КЛ), ориентированной на традицию «Автономного Знания». Являясь калькой с английского «**concept**» - **понятие**, этот термин, по нашему мнению, не проясняет, а затуманивает суть проблемы, что и доказывается в первой главе диссертационного исследования.

Чрезвычайно актуальным является анализ причин и следствий реабилитации эпистемологического обоснования ТЗ в рамках аналитической философии и философии сознания второй половины XX века. Процесс реабилитации связан с такими именами как Куйан, Гудмен, Патнэм, Витгенштейн. Этот «анти-универсалистский» переворот лишил значение статуса автономно-трансцендентной константы и поставил его в прямую зависимость от онтологических обязательств когерентного концептуального каркаса или конкретной «языковой игры». Именно этот подход, как представляется, является наиболее перспективным с точки зрения создания фундаментальной модели значения и человеческого познания.

Степень теоретической разработанности проблемы.

Впервые проблема значения в философии, в контексте общесемантических проблем, представлены в трудах Ксенофана, Парменида и Зенона, исходивших из древнейшей концепции слова как магической силы, способной репрезентировать только истинное знание. Учение элеатов об истинно сущем бытии как единственном содержании истинного знания получило дальнейшее развитие в эпистемологической концепции Платона, который сделал проблему разграничения истинного и кваизнания ключевой в контексте исследования человеческого познания. Разделяя убеждение Парменида в тождественности *dynamis* и *telos*, Платон был уверен в онтологической и эпистемологической первичности цели и продукта познания по отношению к процессу познания, обосновывая эту первичность существованием высших идей – эйдосов, вечных и неизменных. Идея трансцендентной предзаданности истинного знания фундирует и философию Аристотеля, который, однако, критиковал онтологию бесконечного множества эйдосов Платона.

Формированию взглядов на естественный язык как на технически несовершенный инструмент передачи универсальных и трансцендентных атомов – значений в новоевропейской философии как никто способствовал Декарт. Именно его размышления о сути познания дали толчок развитию логического направления в языке, наиболее ярко представленного в грамматике и логике Пор-Ройаля.

Традиция представления значения в виде универсально-трансцендентной константы или семантического примитива, существующего в пространстве некоего «языка мысли» (*lingua mentalis*), имело, вероятно, наибольшее количество приверженцев в европейской философии и лингвистике.

Помимо философов – рационалистов: Спинозы, Лейбница и др., заложивших общепризнанную базу такого подхода, необходимо выделить таких философов, как Больцано и Фреге, разработавших на этой базе (в

значение как социальное явление» анализируется одна из самых серьезных и аргументированных атак на традиционную эпистемологию и базирующуюся на ней теорию значения, предпринятая Людвигом Витгенштейном периода «Философских исследований». Эта критика известна как «скептический парадокс» Витгенштейна о невозможности личного языка. Объектом критики Витгенштейна становится «августинская» репрезентативная теория значения.

Из этой «картины языка» вытекают три основных постулата: 1) значение выражений первоначально усваивается остенсивно 2) оно закрепляется индуктивно 3) правильное закрепление подтверждается внешним или публичным критерием. Эти три пункта взаимосвязаны и большинство атак философов - аналитиков было направлено именно в их сторону.

Однако никто не ставил под сомнение сам принцип индуктивной процедуры, базирующейся на постулировании общего закона – правила, согласно которому собираются частные случаи употребления языка. Из этого сомнения вытекает обескураживающий вывод – нечто может считаться значением выражения только тогда, когда оно обладает некой принудительной силой, склоняющей нас к тому, чтобы связать его появление в поле нашего внимания именно с этим конкретным выражением языка, то есть значение выражения должно презентировать правило, в соответствии с которым, мы будем употреблять данное выражение в будущем.

Как показывает аргумент Крипке - Витгенштейна, такого значения нет. Таким образом, тот факт, что каждое конкретное выражение в настоящем может иметь несколько значений, не позволяет зафиксировать соответствие или несоответствие частного употребления предыдущему языковому опыту.

Основным принципом решения скептического парадокса Крипке называет замену Витгенштейном «дискредитированных» всевозможными скептическими аргументами условий истинности условиями обоснованности. Обоснование условий утверждаемости невозможно без апелляции ко всему языковому сообществу, к которому принадлежит говорящий.

Фактически, условный Смит и условный Джонс становятся участниками «языковой игры», относительно которой мы только и можем обосновывать конкретные значения. Понятие игры здесь привлекается абсолютно не случайно. Игра, по определению, это *процесс*, имеющий свои правила и свое развитие. Невозможно, чтобы существовала *статичная* игра. Соответственно, значение, определяемое по отношению к этому процессу, само становится процессуальным, его моделью можно считать бесконечную развивающуюся линию с непредсказуемой траекторией. Проблему же всех теорий значения и источник многих философских парадоксов Витгенштейн видит в желании воспринимать эту линию *статично* – поскольку любую линию также можно описать как

Куайна.

Как и Куайн, Дэвидсон стоит на позициях холизма. Дать теорию значения языка для него – значит дать теорию, объясняющую каждое действительное или потенциальное предложение данного языка. В терминах Лакоффа, подход Дэвидсона основан на «прогнозировании», а не на описании и объяснении уже существующих семантических моделей. В идеале, знание значения одного предложения эквивалентно знанию бесконечного множества предложений данного языка, то есть всей концептуальной схемы. Основопологающим в теории значения Дэвидсона становится понятие истины, которое он полагал более определенным, чем понятие значения.

Так, следуя идеям классической теории истины Тарского, Дэвидсон полагает, что теория значения – это метаязык для объектного языка L. Определение истины, сформулированное в этом языке, дает необходимые и достаточные условия, при которых истинно любое предложение объектного языка, а дать условие истинности, значит, установить значение предложения. С такой точки зрения, знать семантическое понятие истины для языка – значит знать, что такое для любого предложения быть истинным, а это равносильно пониманию языка.

Таким образом, провозглашая себя последователем Тарского, Дэвидсон достигает цель, во многом противоположную той, которую ставил перед собой польский логик. Если Тарский считал теорию значения вспомогательным средством для построения адекватной T-теории, то Дэвидсон совершает своего рода инверсию. Он идет от базового, примитивного понятия истины к построению теории значения, которая понимается как система утверждений языковых выражений, отвечающих на вопрос об отношениях друг к другу. Теория истины выступает в качестве теории референции, то есть системы утверждений, отвечающих на вопрос об отношениях языковых выражений к миру. Вынесение понятия истины за рамки онтологических обязательств концептуальной схемы стало одним из способов ограничения концептуального релятивизма, порожденного, в частности, и гипотезой Куайна.

Дэвидсон предлагает своеобразную конвенцию – да, мы видим, что при последовательном, тотальном отбрасывании всевозможных догм эмпиризма, исчезает некий стержень, позволяющий нам говорить о возможности intersubjectивной коммуникации, однако, это противоречило бы нашей интуиции, нашим врожденным полаганиям (не объяснимым рационально), поэтому следует принять за самодостаточный факт, что переводимость (в самом широком смысле) существует и строить на этом общую теорию интерпретации. Отбрасывая идею радикального перевода, Дэвидсон принимает более умеренный ее вариант – идею частичной, а не полной неудачи перевода. Эта идея предполагает возможность понимания изменений и контрастов в концептуальных схемах через обращение к общей части.

В параграфе **3.3. «Скептический парадокс» Витгенштейна и**

большей степени Фреге) основы символической логики и современной философии языка или аналитической философии.

Фрегеанское представление о пропозиции как отражении объективной и не нуждающейся для своего бытия в мыслящем человеке мысли оказало огромное влияние на развитие теоретической лингвистики и философии языка, однако основаниями этого развития стали разные элементы его теории. Линия разлома между лингвистической и философской семантикой прошла в области определения анализируемого уровня языка – лексического или синтаксического. Тем не менее, при всей разности объекта исследования, и лингвистическая и философская семантика первой половины XX века не сомневалась в безусловной автономности семантических примитивов, будь то понятие или пропозиция, от конкретного естественного языка или от носителя языка.

В аналитической философии эти воззрения присутствовали и в концепции «логического атомизма» Рассела, и в «Логико-философском трактате» Витгенштейна, и в семантических концепциях философов Венского кружка. Особо может быть выделен К. Поппер, пожалуй, наиболее пылкий приверженец идей автономности истинного знания.

Эти взгляды, наравне с «компьютерной метафорой» (Н. Винер, А. Тьюринг, К. Шеннон) нарождающейся кибернетики и «когнитивной революцией» Н. Хомского, стали основой для создания когнитивной науки, провозгласившей человеческое сознание аналогом компьютерной программы.

При всей неоднозначности и противоречивости современного когнитивизма, отмечаемой многими ее последователями (см.: Кубрякова, 1996), можно перечислить некоторых основных представителей, наиболее последовательных в продвижении идей значения как автономного семантического примитива. Это А. Вежицкая, Р. Дженкендорф, Ч. Филлмор, Дж. Фодор и др.

Отдельно можно выделить такую отрасль КН, как когнитивная лингвистика, пожалуй, наиболее разработанную в отечественной когнитивной традиции. Здесь могут быть отмечены такие отечественные исследователи, как Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.

Неоднозначность результатов семантической программы когнитивизма вызвала значительную критику этого направления, связанную, прежде всего, с именами М. Боден, А. Болиндера, Д. Серля, Т. Хондериша, Д. Хофштадтера, У. Эко, усомнившихся как в изоморфизме компьютерной программы и человеческого сознания, так и в представлении значения в образе семантического примитива – атома автономно-универсального знания.

Данная критика развивалась на фоне фундаментального сдвига в парадигме философии сознания. Сдвига, связанного с отказом от гипотезирования «логических атомов» и с поисками истинностных оснований конкретных естественных языков как завершенных

семантических систем. Начавшись с работ английского аналитического философа Ф. Рамсея, концепции языковых каркасов Карнапа и полевых исследований американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, эта «антитрансцендентная» революция ярко проявилась в работах американского философа У. Куайна, провозгласившего онтологическую относительность и поставившего значение высказывания в прямую зависимость от онтологических обязательств конкретного языка.

Концепция Куайна, при всей своей значимости для развития философской семантики, оставляла много вопросов, важнейший из которых – какова основа возможности intersubъективной коммуникации при отсутствии трансцендентного объекта знания?

В качестве ответа на этот вопрос можно рассматривать концепции Дж. Лакоффа и Д. Дэвидсона, которые обосновали такую возможность в условиях выноса истинностных оснований высказывания за рамки языка в область общей способности человеческого сознания к ориентации в окружающем мире. В ряду подобных концепций особый интерес вызывает обосновательная концепция значения отечественного исследователя М.В. Лебедева.

Отказ от классической «августинской» теории значения, «скомпрометированной» как исследованиями вышеупомянутых авторов, так и многочисленными «скептическими аргументами» (Н. Гудмен, С. Крипке, Х. Патнэм) подвиг многих исследователей на создание теорий значения, которые исключили бы все парадоксы, связанные с гипостазированием трансцендентного объекта знания. Особое внимание здесь привлекает попытка Л. Витгенштейна периода «Философских исследований» обосновать теорию «значение как употребление», где стабилизатором значения выступал бы не автономно-универсальный статус референта, а правила «языковой игры» конкретного языкового социума.

Особо выделим исследователей, систематизировавших обширный и, часто, противоречивый материал по данной проблематике, в первую очередь, Г. Кюнга и Р. Рорти.

Несмотря на долгую историю изучения и значимость полученных результатов, основной вопрос, связанный с ТЗ остается открытым – возможно ли создание единой теории значения свободной от всех противоречий и парадоксов? Как представляется, чрезвычайная сложность и, вместе с тем, привлекательность решения данной задачи останется залогом интереса к проблеме ТЗ и в новом тысячелетии.

Цели и задачи исследования.

Цель работы: обосновать необходимость включения условий истинности в концепцию общей теории значения.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач:**

1. Провести анализ терминологической базы современной КН.
2. Исследовать философские и эпистемологические основания концепции Универсального Знания и ее реализации при создании семантической теории КН.

информанта, носители языка просто должны знать, какие области опыта значимы для классификации и какие мифы и поверья учитываются в ней. Как считает исследователь, существует огромное различие между принципами, которые *мотивируют или позволяют осмыслить систему* и принципами, которые *порождают или позволяют прогнозировать систему*. Соответственно, *предсказуемой* является лишь тенденция системы быть структурированной определенным образом - вокруг центра, с помощью цепочечных связей и т.д. Теория категоризации позволяет предсказывать, какими не могут быть системы классификации, но не позволяет точно прогнозировать состав какой-либо категории определенного языка или культуры.

Таким образом, Лакофф, как и Куайн, обосновывает несостоятельность каких-либо «трансцендентно-истинностных» оснований intersubъективной коммуникации в силу кардинального различия предшествующего акту коммуникации опыта собеседников, формирующего весь их понятийно-категориальный аппарат. Однако в отличие от Куайна, концептуальная «относительность» Лакоффа не принимает вид радикальной – недоопределенности – в – силу - различных – онтологических – обязательств.

Теория когнитивного моделирования Лакоффа, опирающаяся на теорию прототипов Берлина, Рош, Тверски и др., изначально делает акцент на так называемом базовом уровне восприятия, фундированным гештальтным восприятием и двигательной активностью – различными кинестетическими схемами.

Исследование стратегий категоризации на базовом уровне приводит Лакоффа к предположению, что опыт человека еще до его концептуального осмысления структурируется именно на этом уровне. Мы способны взаимодействовать с объектами реального мира, структурируя их по оппозиции часть-целое, с помощью основанного на гештальтах восприятия, двигательной активности и создания богатых ментальных образов. Это взаимодействие является источником доконцептуальной организации нашего опыта. Наши *концепты* базового уровня согласуются с этой доконцептуальной структурой и осмысляются в ее терминах.

Резюмируя концепцию Лакоффа, можно сделать ряд выводов: 1) ментальные пространства не онтологичны, а условно-операциональны 2) когнитивные модели, структурирующие эти пространства, имеют кинестетически-образную природу 3) «ограничителем» концептуального релятивизма, следующего, по мысли многих исследователей – платонистов, за элиминацией «объективного» смысла, является общая способность человеческого разума к метафорическому переносу и факт наличия физического тела с одними и теми же пространственными характеристиками у множества сознающих людей.

В параграфе **3.2.2. «Принцип милосердия Д. Дэвидсона как ограничитель релятивизма»** рассматривается оригинальное решение философом языка Д. Дэвидсоном проблемы радикального перевода

адекватного перевода и даже самой intersубъективной коммуникации, так как оно напрямую увязывает несводимость с онтологическими обязательствами.

Как представляется, эта проблема устраняется, если мы подходим к понятию «идея» как к условной операциональной, а не онтологической структуре. В этом случае исчезает сама необходимость увязывать проблему перевода с онтологическим обоснованием референции этого термина, так же, к примеру, как у физиков не возникает проблемы с «переводом» резерфордовской модели атома в квантовую – и первая и вторая воспринимаются лишь как равнозначные условные модели, используемые в различных системах описания одного и того же феномена.

Именно в этом направлении пошли некоторые исследователи, искавшие «ограничители» радикального релятивизма Куайна, некую, уже не концептуальную основу intersубъективной коммуникации как, например, Дж. Лакофф, разработавший теорию ментальных пространств – кинестетических схем, изначально их «деонтологизировав». В другом направлении развивались исследования таких философов как Д. Дэвидсон, который сделал возможность обоснования полаганий другого говорящего не функцией от онтологических обязательств концептуальных схем, но самодостаточной и рационально не эксплицированной основой существования бесконечного множества этих схем.

В параграфе 3.2. «**Ограничение релятивизма: доконцептуальный «опыт тела» Лакоффа и «принцип милосердия» Дэвидсона**» рассматриваются семантические концепции двух философов, обосновывающих нетрансцендентные основы возможности коммуникации и понимания говорящего слушающим.

В параграфе 3.2.1 «**Ограничение релятивизма: доконцептуальный «опыт тела» Лакоффа**» анализируется концепция философа сознания Дж. Лакоффа.

Источником сомнения Лакоффа (так же как и у Куайна и Уорфа) в классическом представлении о сути человеческого познания, основанного на платоновско-аристотелевском онтологическом и категориальном аппарате, становится знакомство с носителем «несредневропейского стандарта», в частности, языком австралийских аборигенов джирбал.

Анализируя данный язык, Лакофф формулирует общие принципы, лежащие в основе всех категоризаций. К числу этих принципов относятся:

1. Центральность.
2. Цепочечная связь.
3. Сферы опыта.
4. Идеальные модели.
5. Специфическое знание.
7. Отсутствие общих характеристик.
8. Мотивация.

Именно последний принцип Лакофф считает наименее очевидным, поскольку он в наибольшей степени зависим от предшествующего опыта

3. Обосновать необходимость привлечения условий истинности в создание общей теории значения на примере развития современной аналитической философии и философии сознания.

Методологическую базу исследования составляет компаративный метод. В диссертации применялись методы генетического анализа, теоретико-познавательного анализа понятий, типологического анализа.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту.

Научная новизна диссертации определяется решением поставленных задач и в обобщенном виде заключается в следующем:

1. Проанализированы некоторые базовые термины современной КН («когниция», «концепт», «компьютация»), определена степень искажения их значения при переносе в контекст российской философско-методологической традиции. Применительно к терминам КН мы можем говорить о наличии ряда понятий, обладающих, скорее, «семейным сходством», в смысле Л. Витгенштейна, чем четко определенными семантическими границами. Например, изначальная размытость границ понятия **cognition** в английском языке, с одной стороны, стала следствием фундаментальной непроясненности проблемы разума-сознания в европейской гносеологии, с другой же, сама определила невозможность формирования единой философской базы когнитивной науки. Это приводит к тому, что можно говорить, скорее, о когнитивных *науках*, чем о науке.

2. Выявлены общие историко-философские корни семантической концепции современной КН и ранней аналитической философии на этапе ее становления как «чистой» философии языка. Представление о трансцендентном объекте познания как предельной структуре знания о мире, унаследованное от античной эпистемологии и картезианской концепции Пор-Ройаля, сформировало философскую базу когнитивизма и, через логико-философские исследования Фреге, ранней аналитической философии. Имплицитное принятие картезианской концепции познания (в качестве единственно валидной) стало одной из основных причин отторжения идей семантической относительности многими когнитивистами и философами. Несоответствие теоретических установок и эмпирических фактов, опровергающих ортодоксальный когнитивизм, привело к кризису этого направления, который не преодолен и до сих пор. В философии языка происходит фундаментальный сдвиг в сторону признания несостоятельности классической теории значения. Такой сдвиг связан, в первую очередь, с работами философа У. Куайна.

3. Показана несостоятельность утверждения многими когнитивистами невозможности intersубъективной коммуникации при элиминации трансцендентного объекта познания, которая, якобы, вытекает из идей семантической относительности У. Куайна. Несостоятельность данного утверждения изучена на примере концепций кинестетических схем Лакоффа и принципа милосердия Д. Дэвидсона. Принцип общей человеческой формы Лакоффа и принцип милосердия Дэвидсона

становятся достаточными ограничителями релятивизма и условиями осуществления коммуникации в человеческом социуме.

4. Рассмотрена концепция «значения как употребления» Л. Витгенштейна в свете обоснования «неавгустианской», социальной теории значения. Проанализировано утверждение философа о том, что коммуникативная функция языка является единственным и достаточным стабилизатором языкового значения в контексте конкретных языковых игр.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключена в следующем:

- полученные в работе результаты способствуют углублению понимания основных проблем, с которыми сталкивается современная КН и философия сознания, конкретизируют причины кризиса современного когнитивизма, позволяют наметить пути выхода из этого кризиса на основе привлечения в КН результатов исследований философии сознания второй половины XX века.

- результаты исследования могут найти применение в чтении базового курса истории философии, теории познания, спецкурсов по философии языка, по проблемам современного когнитивизма.

Апробация материалов исследования.

Основные положения диссертации апробированы на конференции «Теоретические и прикладные аспекты филологии» (Томск, 2004), на конференции «Актуальные проблемы социальных наук» (Томск, 2005), на Летней философской школе «Голубое озеро-2005» (Новосибирск, 2005), на Всероссийском философском семинаре молодых ученых им. П.В. Копнина (Томск, 2005), на III Международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование» (Томск, 2005).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его новизна, теоретическое и практическое значение, формулируются цели и задачи, описывается методологическая база, дается степень разработанности проблемы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **Проблема определения термина «когниция» и философские основания когнитивной науки** посвящена анализу философских оснований когнитивной науки и ее базовых понятий.

Термин «когнитивная наука» следует считать «зонтиковым» для объединения комплекса наук, занимающихся изучением феномена человеческого сознания и разума, то есть феномена «когниции». Наиболее часто к этим наукам причисляют когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, кибернетику и науку об искусственном интеллекте (ИИ).

Некоторые исследователи склонны причислять к этому комплексу наук

характере естественного языка по отношению к универсальной и трансцендентной Естественной Данности с точки зрения идей семантического релятивизма и онтологического номинализма.

В качестве своего гипотетического оппонента Куайн избирает некоего платониста Мак Х., утверждающего, что существует нечто, что Куайн отрицает. Парадокс этого спора, по Куайну, состоит в том, что даже отрицание точки зрения Мак Х. служит ее подтверждением. К примеру, Мак Х. утверждает, что существует такая ментальная сущность как Пегас, а Куайн это отрицает. Тогда это отрицание имело бы форму «неверно, что существует такая сущность как Пегас», что, по мысли Куайна, приводит к ложному экзистенциальному заключению ($E x$) (ничто не тождественно x).

Таким образом, сингулярное экзистенциальное утверждение относительно конкретной сущности эквивалентно допущению экзистенциального обобщения предложений относительно этой сущности. Выход из этого парадокса Куайн видит не в отрицании отдельных экзистенциальных утверждений Мак Х., что, как мы видели, парадоксальным образом их бы доказывало, а в отрицании всей онтологии или онтологических обязательств оппонента. Для этого Куайн десемантизирует переменные, превращая их в синкатегорематичные знаки, которые ничего не именуют. Таким образом, Куайн формулирует знаменитую инверсию семантического критерия: принимать за сущность – значит, считать значением переменной.

Здесь надо заметить, что взгляды Куайна на семантику во многом следовали в русле начатого еще Расселом отказа от трехплоскостной семантики Фреге. С точки зрения Куайна, значений как абстрактных сущностей, автономных от каких-либо онтологических обязательств, просто не существует, значением обладают только языковые выражения – предложения. Тем самым, Куайн становится на позиции радикального холизма и расширяет «семантический спектр» термина «онтология» до границ конкретного естественного языка как базовой, нередуцируемой семантической сущности. Исходя из вышеизложенного, философ выдвигает, тезис онтологической относительности, сформулированный как принцип радикальной неопределенности перевода.

Согласно Куайну, любая теория, с помощью которой интерпретируется речевое поведение говорящего, всегда будет радикально недоопределена, даже если нам будут известны все факты физического мира, известные также и другому говорящему, в силу того, что всегда возможны альтернативные теории, адекватно объясняющие те же самые факты.

Таким образом, Куайн пытается дезавуировать саму «идею «идеи»», как метафизического стержня европейской эпистемологии - науки, которой он отводит «почетное» место раздела психологии. Данное заключение Куайна, опирающееся на его глубокое убеждение в том, что единственная вещь, которая определяет правильность интерпретации – это физическая очевидность, но не универсальная истина – посредник, ставит под сомнение, по мысли некоторых исследователей, саму возможность

логики от эпистемологии и, вообще, теории познания.

Важнейшим, с точки зрения проблемы универсалий, следствием этой теории является то, что, так как реальные отношения изображаются в предложениях синтаксическими отношениями – расположением имен, отпадает необходимость в гипостазировании расселовских платонических сущностей.

С другой стороны, желание Витгенштейна следовать традиции Рассела, Фреге, Больцано и Лейбница окольными путями выводит его на проторенный путь поиска объективной истины. Проблема универсалий неожиданно проявляется у Витгенштейна в его «образной» теории значения. Представление элементарного предложения в виде картины продолжает традиционную репрезентационную теорию значения, фундированную трансцендентальной эпистемологической традицией.

Таким образом, элиминируя универсалии из структуры предложения, Витгенштейн имплицитно наводит на мысль, что *все* атомарное предложение, очищенное от объективных смыслов Фреге и платонических отношений Рассела, есть своего рода «привилегированное знание», репрезентация истинного факта, доступного нашему «Внутреннему взору».

По нашему мнению, это происходит в первую очередь, по тем причинам, которые указывались нами выше – пытаясь «улучшить» логическую систему, Витгенштейн избирает объектом пересмотра «логические атомы», семантические примитивы, но не опосредующие их проблемы истинностного обоснования. В вопросах эпистемологии Витгенштейн «Трактата» как раз предельно консервативен.

В завершении главы делается следующий вывод: кризис современной КН обуславливается тем, что объектом исследования многих когнитивных концепций являются объекты знания, трансцендентные сознанию человека, что должно гарантировать их объективную истинность. Картезианская интерпретация античной традиции, противопоставляя наделенное функцией божественного знания «Я» объектам познания, создает, в действительности, лишь иллюзию «открытого», «научного» поиска таких объектов, поскольку сами эти объекты, в силу метафизических убеждений основателей традиции, являются производными изначальной иррациональной веры в онтологию трансцендентно-объективной истины.

В результате, многие отрасли КН, отказавшиеся от включения в перечень объектов своих исследований «философские» проблемы истинности ради поиска «исходных понятий» и «семантических примитивов», рано или поздно сталкиваются с невозможностью этой задачи.

Третья глава «**Эпистемологический релятивизм и значение как динамически-игровая категория**» содержит анализ причин и следствий смены парадигмы в изучении значения и феномена человеческого познания.

В параграфе 3.1. «У. Куайн и релятивистский фундаментализм» анализируется критика картезианского «мифа» об «отражателем»

и философию, имея в виду необходимость философского обоснования исследований механизмов человеческого познания. Однако именно у философов термин «когнитивная наука» вызывает наибольшее количество возражений и сомнений. Недаром термин «когнитивная философия» так и не получил широкого распространения в лексиконе англоязычных философов. Для обозначения той ветви философии, которая занимается исследованием процессов мышления и познания в целом используется другой термин - «**philosophy of mind**» - **философия сознания**. В данном случае речь идет не просто о замене одного термина другим, близким по смыслу. Термин **Mind** в английском языке гораздо шире по значению, чем **cognition**. Этот термин обозначает «разум» вообще, что не привязывает его к определению только процесса целенаправленного человеческого познания - мышления.

Фактически, в западной когнитивной традиции произошло уравнивание терминов **mind** и **cognition**, причем основным проявлением последнего считалось ментальное «исчисление представлений» (**computation over representation**).

Сам термин **cognition** обладает не четко очерченным семантическим полем. С одной стороны, он обладает значением, переводимым на русский как «знание, познание, познавательная способность», и, в целом, может считаться близким к значению **mind** в смысле обладания общей способностью к познанию, чем и является разум. С другой стороны, **cognition** в английском языке часто становится эквивалентом **cogitation\cogitate** со значением «обдумывание, размышление/обдумывать, размышлять», что позволяет сделать вывод о том, что, собственно, конституирует познавательную способность или разум.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в английском языке ряда понятий, обладающих скорее «семейным сходством», в смысле Витгенштейна, чем четко определенными семантическими границами. Изначальная размытость границ понятия **cognition** в английском языке, как представляется, с одной стороны, стала следствием фундаментальной непроясненности европейской гносеологией проблемы разума-сознания, с другой же, сама определила невозможность формирования единой философской базы когнитивной науки, что приводит к тому, что можно говорить, скорее, о когнитивных *науках*, чем о *науке*.

Элиминирование из перечня проблем когнитологов базовых философских проблем истинности и онтологии знания может быть объяснено тем, что большинство из них, верных «компьютерной метафоре», никогда и не сомневались в репрезентационном характере мышления и сознания. В диссертации анализируется характер влияния на когнитивистику кибернетики и науки об искусственном интеллекте, в рамках которых и возникла «компьютерная метафора».

Несостоятельность идей «сильного ИИ» и «компьютерной метафоры», выявленная как эмпирическим, так и теоретическим путем, делает необходимым для когнитивистики, в целях своего дальнейшего развития,

пересмотреть свои же философские основания. Как представляется, объектом пересмотра должна стать изначально метафизическая уверенность когнитологии в трансцендентном статусе объекта знания. Термин «трансцендентный» здесь следует понимать в смысле «объективный в силу своей автономности от субъекта познания».

В качестве подтверждения тезиса о неадекватности семантических концепций, ориентированных на представление значения в виде универсальных констант, в диссертации рассматриваются некоторые семантические концепции современной когнитивной лингвистики. Указывается, что, говоря о концепциях «когнитивной лингвистики», следует отметить условность обозначаемого этим термином направления, признаваемую многими современными исследователями.

Противоречивость КЛ позволяет многим исследователям (В. Б. Касевич, П. Б. Паршин) сомневаться в ее научной валидности. К примеру, В.Б. Касевич считает, что разработанные подходы и результаты обогащают языкознание, но никак не создают ни нового объекта, ни даже нового метода. На отсутствие у КЛ собственных исследовательских методов обращает внимание и В.Б. Паршин, делая единственное исключение для метафорического анализа Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По его мнению, когнитивисты чаще всего практикуют привычную опору на интроспекцию и суждения информанта, обычно самого исследователя, относительно приемлемости/неприемлемости тех или иных языковых форм, а также используют методы других наук (психологии, нейронауки).

В диссертации утверждается, что идея ментальной сущности, будь то понятие, фрейм, сцена или концепт является стержневой в большинстве концепций, так или иначе связанных с традицией КЛ, восходящей к картезианской эпистемологии. В свете этого ставится под сомнение целесообразность термина «концепт», одного из самых «популярных» в современных концепциях КЛ, трактующих значение как семантический примитив. Как пример радикальной реализации подобного подхода приводится концепция семантических примитивов А. Вежбицкой с ее определением концепта как объекта из мира «Идеальное», имеющего имя и отражающего определенные культурнообусловленные представления человека о мире «Действительность».

В заключение главы делается следующий вывод: КН, являясь продуктом конкретной эпистемологической традиции, представляет собой вполне определенную картину человеческого познания и мышления как отражения Универсального и Автономного Знания. Проблемы, вставшие перед КН в силу усложнения задач, решаемых базовой ее наукой – ИИ, остаются нерешенными. Это, во многом, происходит по причине нежелания когнитивистов, по сути, имплицитно принявших трансцендентную концепцию познания, заняться метапроцедурой пересмотра своих эпистемологических оснований. В лучшем случае, ответ на вызов очевидных фактов несоответствия теории и реальности состоит в гипостазировании все новых и новых предельных ментальных сущностей –

таким образом, два вида знания – объективное, состоящее из проблем, теорий и обоснований, и субъективное, состоящее из «предрасположений» (dispositions), большинство из которых являются врожденными. Исходя из этого, философ постулирует приоритет объективного знания или «третьего мира», обладающего своего рода «автономией» от познающего субъекта.

Как ни странно, именно платоническая концепция предзаданности объекта познания, ставшая одной из эпистемологических основ КН, дала толчок развитию логического анализа языка Фреге, что привело к появлению аналитической философии, провозгласившей, в конце концов, смерть классического «чистого познания» и поставившей эпистемологию в зависимость от онтологических обязательств конкретного языка или конкретной «языковой игры» по определению Витгенштейна.

Предпосылкой появления идей эпистемологического плюрализма стал решительный поворот от платонизма к номинализму, произошедший в рамках созданного Фреге и Расселом логического анализа языка.

В параграфе 2.3. «Логический анализ vs трансцендентный объект знания» рассматривается процесс того, как на базе концептуального аппарата логической семантики Фреге, платонистской по своей философской направленности, произошел кардинальный поворот в сторону онтологического номинализма и эпистемологического плюрализма.

Трехплоскостная семантика Фреге оказалась чрезвычайно востребованной в лингвистике, не в последнюю очередь благодаря фундаментальной для этой дисциплины и глубоко платонической в эпистемологическом смысле дихотомии язык – речь Соссюра. Для новой же философии языка – аналитической философии проблема смысла не казалась разрешенной. Непроясненный статус смысла Фреге стал решительным аргументом для Рассела, чтобы отказаться от трехплоскостной семантики в пользу двухплоскостной, в которой необязательно отличать объективное содержание от самого объекта. Это объяснялось также решимостью Рассела, минимизировать количество базовых элементов системы, пожертвовав сомнительными ее частями, что выразилось в созданной им концепции «логического атомизма», максимально сократившей число возможных претендентов на роль фундаментальной, неанализируемой сущности.

Конструирование индивидов в виде классов свойств, казавшееся столь перспективным, привело Рассела к открытию антиномии класса всех классов, не являющихся элементами самих себя, что показало опасность гипостазирования платонических сущностей. Проблемы Рассела с определением платонических сущностей не затронули его ученика и продолжателя идей «логического атомизма» Л. Витгенштейна. Это объяснялось тем, что, в то время как Рассел включает отношения в число логических атомов, тем самым, гипостазировав платонические сущности *внутри* атомарной пропозиции, Витгенштейн говорит только об индивидах. Это различие, первоначально не замеченное Расселом, вытекало из важнейшей концепции Витгенштейна о принципиальной автономности

аналитической философии.

В основе фрегеовского понимания логики и ее законов лежало убеждение в их объективности, обусловленной объективным характером мысли. Мир мыслей (Reich) для Фреге был столь же реален и имел такое же независимое от человека существование, что и мир действительных вещей. Этот мир – царство является «третьим царством» объективно–нереального, содержащим повествовательные предложения – пропозиции, родственные «предложениям в себе» Больцано.

Фреге развивает свой вариант платонизма, в котором он разграничивает объективное с реально существующим во времени и пространстве. Под «объективным» Фреге понимает независимость от процессов ощущений, восприятия и представления человека. Мысль, по Фреге, как нечто объективное не нуждается для своего бытия в мышлении человеке – носителе мысли. Мышление не создает мыслей – оно только «схватывает» (auffassen) их, отражением же мысли в языке становится утвердительно–повествовательное предложение.

Концепция Фреге оказала огромное влияние на развитие теоретической лингвистики и философии языка, однако основаниями этого развития стали разные элементы его теории. Если философов и логиков больше всего заинтересовали разработки Фреге в области логического анализа значения пропозиции – суждения, ставшие отправной точкой для создания условно-истинностной концепции и других концепций значения, то для лингвистов определяющими стали принципы анализа семантики языкового знака – имени и путей его формирования на основе определенной конкретизации пропозициональной функции. Тем самым, линия разлома между лингвистической и философской семантикой прошла в области определения анализируемого уровня языка – лексического или синтаксического.

Идея знания как «третьего царства», автономного по отношению к сознанию индивида, наиболее последовательно развивалась в работах К. Поппера, оказавшего огромное влияние на формирование эпистемологической базы КН. Поппер различает три рода сущего (называя их "мирами", или "универсумами" в нестрогом смысле): первый мир - это мир физических объектов или физических состояний, второй - мир состояний сознания (ментальных состояний, возможно, диспозиций к действию) и третий мир, к которому относится знание или мир творений человеческого разума. По мнению Поппера, идущая от Платона традиция анализа слов, понятий и значения «стала проклятием» (bedevilled) философии, так как даже спорившие с Платоном номиналисты, отталкиваясь от его постулирования *понятия* как базовой ментальной единицы. Как считает Поппер, теории Больцано и Фреге гораздо ближе к его концепции, так как последние считали основополагающими конституентами «царства ментального» не идеи - понятия, а мысли, выраженные в виде утвердительных предложений – пропозиций. Обосновывая свою эпистемологическую концепцию, Поппер выделяет,

понятий, концептов, фреймов, пропозиций и т.д., что, по нашему мнению, создает всего лишь видимость развития КН.

Реальное развитие КН и ее действительное превращение в исследование **сознания** человека, к чему она так стремится, невозможно без привлечения концепций познания, выработанных аналитической философией сознания второй половины XX века. Именно в рамках философии сознания (ФС) были даны варианты разрешения проблем, связанных с элиминацией трансцендентного объекта знания, например, проблема невозможности intersubjectивной коммуникации в условиях отсутствия «объективного» значения.

ФС изначально основывалась на тех же самых онтологических и эпистемологических основаниях, что и КН, однако, на определенном этапе своего развития оказалась способна к метапроцедуре «самопересмотра». Как мы предполагаем, в первую очередь, это было связано с пониманием такими философами, как Куайн, Рамсей, Витгенштейн невозможности заниматься «чистой» философией языка без соотнесения его с широким комплексом проблем истинности.

Во второй главе **«Истина и трансцендентный объект знания»** рассматривается генезис концепции трансцендентного объекта знания в античной и европейской эпистемологии до второй половины XX века, момента формирования идей онтологической относительности и эпистемологического релятивизма.

В параграфе **2.1. «Субъект знания как метафизическая проблема»** рассматривается генезис данной концепции в античной и новоевропейской философии.

Эпистемологической основой КН можно считать постулирование особого «высшего» мира ментального, источника истинного знания, истинного в силу своей «автономности» от изменчивого реального мира - объекта мнения, и представление о познании как отражении, фактически, использовании готовых ментальных форм и образов, онтологически первичных по отношению к акту познания.

Эта концепция оказалась чрезвычайно востребованной в эпоху формирования христианской теории познания, прямо связавшей возможность истинного познания с возможностью познания «с точки зрения Бога». Вытекающее отсюда следствие, что языки отличаются не более чем разной фонетической оболочкой, облекающей божественные, «универсальные», и поэтому истинные понятия, стало важнейшим философским обоснованием идей «универсального языка». Именно античный период философии, как представляется, стал ключевым для формирования тех взглядов на природу знания и познания, которые в картезианской интерпретации стали философским базисом КН.

В античной философии феномен знания стал объектом исследования, начиная с конца VI века до н.э. В первую очередь речь идет об элеатах (Пармениде и Зеноне), исходивших из древнейшей концепции слова как магической силы, способной репрезентировать только истинное знание.

Проблему божественного происхождения вербально выразимых истинных знаний впервые пытался разрешить учитель Парменида Ксенофан Колофонский, который, вероятно, после знакомства с религиозными учениями Востока, выдвинул идею о существовании единого Бога – всеведущего разума способного управлять мировыми процессами. Развивая идеи Ксенофана, Парменид постулировал тождество мысли, слова и истинно сущего бытия.

При этом, Парменид, следуя архаичному телеологизму, отождествлял цель деятельности (*telos*) или ее продукт (*ergon*) с человеческой способностью к деятельности (*dynamis*), что позволило ему рассматривать познание, мысль и произнесение слова как такую способность, которая неизбежно реализуется в своей цели – подразумеваемом объекте. Тем самым получили философское обоснование и исходные допущения: декларативное высказывание может быть осмысленным только и только тогда, когда оно истинно, и лишь в этом случае его референты действительно существуют как истинно сущее бытие.

Платон сделал проблему разграничения истинного и квазизнания ключевой в контексте исследования человеческого познания. Разделяя убеждение Парменида в тождественности *dynamis* и *telos*, Платон был уверен в онтологической и эпистемологической первичности цели и продукта познания по отношению к процессу познания, обосновывая эту первичность существованием высших идей – эйдосов, вечных и неизменных.

Выделение материи как потенциального бытия и формы как актуального стало краеугольным камнем эпистемологической и, шире, гносеологической концепции Аристотеля. Материи, по мысли Стагирита, присуще не только отсутствие формы, но и возможность формы как актуально присущего бытия, причем бытие в действительности **логически и онтологически** предшествует бытию в возможности.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что взгляды античных философов на сущность знания изначально фундаментализировались метафизическим обоснованием истинного, божественного знания, свободного от недостатков, свойственных человеческим мнениям. Эпистемология здесь выступает, скорее, как «производная» метафизики, а не самостоятельная область исследований, результаты которых не могут быть «предзаданы» какими-либо концепциями. Изначальная «предзаданность» эпистемологии, как представляется, была вполне органична для античного мироощущения, не знавшего различия между философией, наукой и религией, науками «точными» и «неточными» и т.д. Однако на этапе, когда античные гносеологические концепции стали привлекаться для обоснования рационалистических оснований истинного знания, возникла, как нам кажется, путаница, определяющая для всей европейской философии, занимающейся сознанием и знанием. Представление о том, что наука должна беспристрастно «устанавливать» новые факты о мире, а не руководствоваться схоластическим принципом

«что и следовало доказать», должно было бы заново сделать проблемы эпистемологии «открытыми», разъединив ее с метафизическим обоснованием. Это потребовало бы не более и не менее как непредвзятого обсуждения бытия Бога, что, даже в эпоху рационализма, представлялось довольно проблематичным.

Таким образом, философы – рационалисты, имевшие определенные религиозные убеждения, должны были бы их отринуть, чтобы действительно сделать процесс познания «научным», то есть не ангажированным этими самыми убеждениями. В противном случае, эпистемология превращалась в открытие «как – бы неизвестного», игру в прятки с самой собой. Именно под таким углом, как нам кажется, следует рассматривать известный опыт Декарта, на века определивший роль трансцендентной эпистемологии как единственно возможного метода **научного** познания, где научность трактовалась, опять же, как истинность объекта знания в силу его автономности от сознания субъекта.

Тем самым, Декарт достигает свою важнейшую, но прямо не сформулированную им цель – нахождение «идеального коррелята» Трансцендентного знания. Эта цель достигается им путем расщепления реального познающего индивида на эмпирическое ошибающееся и сомневающееся *Я* и *Я – cogito – Я* с точки зрения Бога, с дальнейшим превращением этого индивида, в терминах Фуко, в эмпирико-трансцендентальную двойственность, вдобавок к его ментально-телесному дуализму. При этом статус субъекта познания признается именно за *Я – cogito* – отражением в сознании человека трансцендентального субъекта – Бога.

Таким образом постулировался принцип «вторичности» языка, имеющего технический характер в процессе познания и не оказывающего на него какого-либо существенного влияния, практической реализацией которого в логике и философии языка стало создание в XVII веке логико-грамматической концепции Пор-Ройаля.

Главной задачей рациональной грамматики становится прояснение, «очищение» обиходного языка ради конечной кристаллизации «высокого» языка рациональных идей и понятий. В дальнейшем «очищение» может проводиться не только по отношению к естественному языку, но и к возникшему рациональному языку до тех пор, пока он не превратится в язык исчисления понятий, наподобие математических.

Именно это уподобление языкового и математического кода стало обоснованием многочисленных проектов универсальных языков, появившихся в период расцвета картезианского рационализма и придавших «научность» метафизической, по сути, концепции объективно-трансцендентной истины.

В параграфе **2.2. «Истина и автономия объекта знания»** рассматриваются логико-семантические концепции Г.Фреге и К. Поппера, внесшие основной вклад в обоснование объективистской эпистемологии на этапе формирования эпистемологической базы КН и ранней